

СТИЛЯГИ КАК ФЕНОМЕН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ПОСЛЕВОЕННОЙ МОДЫ (1945–1950-е гг.)

ГАРГОЛИНА Е. С.

студентка 5-го курса специальности «История» СГУТиКД

ЧЕРКАСОВ А. А.

д-р ист. наук, заведующий кафедрой отечественной истории СГУТиКД

MODS AS NATIVE POST-WAR
FASHION PHENOMENON
(1945–1950)

GARGOLINA E. S.,
Cherkasov A. A.

Послевоенное развитие страны было отмечено таким социальным явлением как стилиажничество. Сперва оно было характерно Москве и Ленинграду, но быстро перекинулось и на глубинку. Данной теме посвящена статья.

Post-war DEVELOPMENT of the country was noted by appearing of such social elements as mods. First they were typical only for Moscow and Leningrad but very rapidly appeared in other more rural towns. The article concerns this theme.

Ключевые слова: стилиаги, отечественная послевоенная мода, пропаганда, фарцовщик.

Keywords: mods, national post-war fashion, propaganda, spiv.

УДК 745/749

Послевоенную историю российского быта и костюма восстановить не так просто. Журналы мод и документальная хроника тех лет зафиксировали лишь официально декларированную модель, так и не осуществленную в реальной жизни. К тому же после появления «железного занавеса» всякое стремление соответствовать общеевропейскому стилю рассматривалось как низкопоклонство перед Западом. И все же мода была. И предвестниками коренных перемен в моде были «стиляги».

Со времен создания советского государства началось насильственное отмежевание от западных культурных ценностей, сформировалась новая историческая общность – советский народ. Внешне это выражалось в унификации всей одежды. Вторая мировая война разрушила эту общность. Советский воин, пройдя по Европе, составил собственное представление о западной цивилизации. В послевоенный быт были привнесены трофейные вещи западного производства, резко отличающиеся от традиционных отечественных и олицетворяющие совершенно другие ценности. Однообразная, невыразительная, стандартизированная одежда, создающая видимость единения масс, уже не отвечала жизненным потребностям молодого поколения. Но самое главное, в первые годы после окончания войны, когда страна еще не закрылась «железным занавесом», миллионы советских граждан увидели иностранные кинофильмы: «Путешествие будет опасным», «Судьба солдата в Америке», «Облава», «Тарзан», «Се-

ренада Солнечной Долины», «Джордж из Динки-джаза», «Девушка моей мечты». Писатель Эдуард Лимонов в своей книге «У нас была великая эпоха» так описывает сложившуюся после войны ситуацию: «На барахолках страны приземлились и пошли по рукам платья, костюмы, пальто для всех полов и возрастов — “трофейное барахло”, вывезенное солдатами в вещевых мешках из покорённой Германии... Каталогом и гидом для путешествий по морю кожаных тирольских шорт, румынских, итальянских и венгерских военных пальто и детских берлинских костюмчиков служили американские фильмы... Глядя на голливудских девушек и суровых гангстеров в двубортных костюмах и шляпах, запоминала русская молодёжь модели одежды». Даже кумир довоенных лет Л. П. Орлова являлась на публике в лисьих манти и платьях, как у «геббельсовской антиамериканки», героини фильма «Девушка моей мечты».

«Москвичи рядились во что попало. Речь даже не о Москвошвей — половина Москвы еще ходила в трофейном. Даже у меня водилось немецкое пальто из комиссионки. Трофейное было слишком с чужого плеча и никого не красило, тем более что по привычке и Москвошвей, и заграничное донашивали до распада», — вспоминает Андрей Сергеев [1].

Существовала и другая мода, зафиксированная лишь памятью и нигде не декларированная, носители которой играли заметную роль в жизни тех лет. На фоне послевоенного однообразия они были очень заметны. Поэт Евгений Рейн вспоминает о том, как выглядела советская молодежь в 1947 г. и далее, вплоть до конца сталинской эпохи: «Тогда цвела мода, совершенно не связанная с Западом. Отчасти это была сталинская довоенная мода, но уже сильно окрашенная в тона блатной романтики. Во время войны очень большую роль стал играть уголовный мир, и его типичный представитель выглядел так: серая кепка из букле, называемая «лондонка», к ней прила-

гались белый шелковый шарф и черное двубортное пальто. Широкие брюки лихо заправлялись в сапоги. Курили «Беломор-канал», потом очень дешевые тоненькие папироски-«гвоздики» [2].

Люди всегда «одеваются, как думают», поэтому одежда становится безошибочным признаком нравственной и интеллектуальной ориентации. Но обладателей блатных челочек, буклированных «лондонок» и белых шелковых шарфов не хватало на улицах добровольные помощники милиции с красными повязками, про них не писали убийственных фельетонов, не помещали карикатур в «Крокодиле» и не исключали из учебных заведений (впрочем, они там и не учились). Другое дело стилиаги. Установить, когда возник этот термин, невозможно, однако, существует мнение, что он пришёл из языка джазистов, музыкантов. «Стилиаг» у исполнителей джаза означало играть в чужом стиле, кого-то копировать, отсюда презрительное выражение «стилиагу дует» — это о саксофонисте, который играет в чужой манере. И, соответственно, термин переносится на самого исполнителя — «стилиага». Кто-то когда-то сказал: «Дамы и господа, Стиль Яга!».

«Стилиага» — это не самоназвание; сами себя эти молодые люди либо никак не называли, либо именовались «штатниками» (то есть горячие поклонники Соединённых Штатов).

В 1949 г. в журнале «Крокодил» появился фельетон Д. Г. Беляева «Стилиага» под рубрикой «Типы, уходящие в прошлое». В фельетоне описывался школьный вечер, где появляется нелепо разодетый «на иностранный манер», тщеславный, невежественный, глуповатый молодой человек, который гордится своим пёстрым нарядом и навыками в области иноземных танцев. И все эти навыки, по словам фельетониста, вызывают смех и брезгливую жалость у остальных студентов [3].

Таким образом, термин стилиага не только потеснил самоназвание «штатник», но и полностью заменил его.

Возникает вопрос, почему именно термином «стиляги» были названы носители иной, неофициальной моды. По мнению очевидца и участника этого явления А. Козлова, «главным методом выделиться из толпы тогда считалось быть «стильным»: в одежде, в причёске, в манере ходить, в умении танцевать «стилем», в умении разговаривать на своем жаргоне. Поэтому-то и родилось слово «стиляга», напоминающее другие малоприятные слова типа «доходяга», «бродяга», «бедняга» и т.п., отдающие презрительным сожалением с оттенком брезгливости» [4].

Именно после Второй мировой войны можно говорить о стилягах как о определенном социокультурном феномене, они прошли два этапа развития: на первом была элитарная культура (1949–1955 гг.), когда дети высокопоставленных столичных чиновни-

ков, номенклатурных работников начали копировать элементы западного стиля. Эта культура была закрытой, квартирно-дачной, ресторанной. В СССР молодежь выделяется как особая социокультурная группа. Они учатся в старших классах или ВУЗах за родительские деньги. Их карьера обеспечена статусом их высокопоставленных родителей. Они не работают, у них есть свободное время, а карманные деньги достаются легко. При этом индустрия развлечений в стране слабая, деньги тратить не на что. Остаются только сравнительно дешевые рестораны. Через родителей они получали доступ к запретной западной культуре – из-за границы им привозили одежду, технику, хорошие радиоприемники и безобидные, на первый взгляд, виниловые пластинки.

Стиляги в восприятии советской пропаганды. Журналы 1950-х гг.

«Золотая молодежь» была обеспечена, чувствовала свою безнаказанность, и это диктовало определенный стиль времяпрепровождения: «загулы» в ресторанах и шикарные вечеринки, часто сопровождавшиеся драками, разбоем, изнасилованиями и т. д. (Именно один из таких случаев, когда во время очередной оргии девушка выбросилась из окна высотного дома, и послужил поводом для начала

«антистиляжной» кампании в советской прессе). По сути, они были не столько «протестантами», сколько «изнанкой» олигархии. Вдобавок, для простых девушек попасть тогда в элитарную среду, где можно было «подцепить» какого-нибудь «сынка» из недоступного общества, было делом очень заманчивым. Ведь «хаты» тогда принадлежали только высокопоставленным людям – членам правитель-

ства, депутатам, партапаратчикам, крупнейшим ученым или деятелям искусства. А вокруг их детей, которые были так называемой «золотой молодежью», вертелись активные парни из более простой социальной среды, но более приспособленные к жизни, знавшие толк во всем современном. Что же объединяло столь разных людей в одну субкультуру? Единая для всех функция альтернативной моды — противостоять унификации, создать нечто, отличающееся от стандарта. В Советском Союзе положение моды было двусмысленным. Легитимна была только весьма условная советская мода. Экономика послевоенных лет при разрушенной промышленности строилась на принципах жесточайшей экономии. «Правильной» считалась одежда, сшитая без каких-либо излишеств, без декоративных деталей — накладных карманов, оборок, потому что они требовали излишка ткани. И стилияги, которые позволяли себе явную «избыточность» и по форме, и по расцветкам, бросали вызов этой экономической модели.

На втором этапе элитарная культура превратилась в молодежную контркультуру (1956–1962 гг.): запретные властью индивидуалистические ценности вступили в противоречие с государственным аскетизмом.

В первые годы существования данного феномена, облик стилияги был, скорее, карикатурен: широкие яркие штаны, мешковатый пиджак, шляпа с широкими полями, немислимых расцветок носки, пресловутый галстук «пожар в джунглях» (с изображением пальм, обезьян, драконов, ярких бабочек). Впоследствии внешний вид стилияги претерпел значительные изменения: появились знаменитые брюки-дудочки, не по размеру клетчатый пиджак с широкими плечами, узкий галстук — «селёdochка», завязывающийся на микроскопический узел, зонтик — тросточка. Актуальными у стилияг считались свитера «с оленями», в подражание героям фильмов «Серенада Солнечной Долины» и «Девушка моей мечты». В качестве обуви в среде стилияг приветствовались полуботинки на толстой белой каучуковой подошве (так на-

зываемая «манная каша»). Летом пользовались популярностью яркие рубашки в «гавайском стиле», Образ завершала прическа из длинных волос с высоким набриолиненным коком надо лбом и длинными бачками на щеках. Эта прическа стала вызовом традиционным «боксу» и «полубоксу». Кроме того, национальные черты характера — склонность к чрезмерности, смелому, порой дерзкому самовыражению, нарушающему общепринятые нормы, накладывали отпечаток на все поведение и все выразительные средства костюма. Дендистский принцип выделиться из толпы с помощью незначительной детали доводится до гротеска. Так, и стилиягам было недостаточно слепого копирования западной моды, раскованности в одежде, часто они доводили свой образ до карикатурности. Этому способствовало и доморощенное воспроизведение западных образцов.

Впервые в советском обществе одежда становится не только модой, но и своеобразным паролем... Одежда стилияг служила знаком принадлежности к этому ярко окрашенному племени, закрытому для проникновения непосвященных. Свообразными средствами отличия стали выработанные ими подчеркнутая манерность поведения (запрокинутая назад голова, высокомерный взгляд сверху вниз на окружающих, особая «развинченная» походка: следствие ношения тяжеловесных ботинок на толстом многослойном каучуке, сшитых на заказ; особая лексика, позволяющие отнести это явление к советской богеме, в понимании «богема — это всегда другие».

Среди стилиажничества как явления в количественном соотношении численно преобладали мужчины, чем женщины, но последние также шокировали окружающих своим видом, как и их кавалеры. Описывая образ подруги (чувихи, стилияжки) стильного молодого человека, исследователи чаще всего указывают, что самой модной прической считался «венчик мира». Волосы в этом случае завивали и укладывали в форме венца вокруг головы, как у большинства западных киноактрис из трофейных фильмов.

И все же довольно строгая форма «венчика мира» спокойно воспринималась властями. Гораздо большее раздражение вызывали так называемые «неаккуратные прически». В карикатурах «Крокодила» подругу стилияги чаще изображали с распущенными волосами. Мода носить распущенные волосы пришла после выхода на советский экран французского фильма «Колдунья» с Мариной Влади в главной роли. Одновременно появлялись и карикатуры на девушек, которые стягивали длинные волосы на затылке резинкой или лентой, делая так называемый «конский хвост», что тоже причислялось к атрибутам девушки-«стиляжки».

Но, пожалуй, наибольшую критику вызвала «бабетта». Ее ввела в моду французская актриса Б.Бардо, снявшаяся в фильме «Бабетта идет на войну». «Бабетта» представляла собой высокую конусообразную копну начесанных волос, обильно политых лаком, который был большой редкостью в СССР. Но советские девушки и здесь нашли выход: использовали мебельный лак, разведенный одеколоном. Критики сооружение на голове называли «вшивкой», а девушку «блохастиком».

Стиляга женского пола – это обязательно ярко накрашенная особа, в женских же журналах, в первую очередь в «Работнице», вообще писалось о том, что «применение декоративной косметики без всякой надобности лишает кожу лица естественной свежести. Поэтому молодым женщинам не следует пользоваться губной помадой и тушью» [5].

Середина 1950-х годов ознаменовалась идеологическим натиском на узкие юбки и короткие платья. Н. Колчинская и Р. Салтанова в июньском номере журнала «Работница» за 1959 год указали идеальную длину юбки. Полным женщинам и женщинам с короткими ногами рекомендовалось носить платья и юбки длиной 35–37 см от пола. Молодые женщины и девушки с хорошей фигурой могли носить более короткие юбки – 40–42 см от пола, но колени полагалось держать закрытыми. Мода на мини пришла в СССР в конце 1960-х гг.

Даже попытки соблюдать диету ради хорошей фигуры или увлечение косметикой уже казались чем-то подозрительными, нарушая социалистические принципы «скромности», «простоты» и «чувства меры». Самые незначительные усилия выглядеть «не как все» вызывали жесткую идеологическую реакцию официальных ревнителей «хорошего вкуса»: «По-модному истощенно-худая, бледная, на истомленном лице ее черные глаза тонули в густой черной тени. Пышные волосы были взбиты высоко вверх. Платье – в матово-черных разводах, тоже словно вычерченных тушью... Повеяло от этой женщины, словно сошедшей с картинки западного журнала, смрадом того гниющего мира, где человек не умеет уважать человека. Нет, эта гадкая манера разрисовывать лицо не подходит нашим жизнерадостным, прямодушным, честным, хорошим женщинам!».

Еще более раздражающим элементом во внешности девушки были брюки. И тому было немало причин. Во-первых, пошить их можно было только у частного, во-вторых, брюки априори считались вульгарными, поскольку элемент облегания в них обязателен. В таком виде, женщин не допускали в служебные помещения. В СССР брюки стали нормой лишь с середины 1970-х годов.

Почти все, кто вспоминает о моде тех лет, не обходят вниманием музыку, дозволенные и запрещенные новомодные танцы (в 1949-м г. это были буги-вуги, позднее рок-н-ролл, твист).

В конце 1940 – в начале 1950-х гг. в среде стилиг актуальной считалась музыка свингового оркестра Гленна Миллера, в особенности хиты, прозвучавшие в кинофильме «Серенада Солнечной долины». (Несмотря на то, что миллеровский биг-бэнд продолжал существовать и пользовался в мире неизменной популярностью, многие в СССР думали, что этот музыкальный коллектив распался после гибели своего руководителя: майор американских ВВС, тромбонист, аранжировщик и композитор Гленн Миллер погиб (по другим данным – пропал без вести в 1944 году). Песня из кинофильма «Серенада Солнечной До-

лины» под названием «Поезд на Чаттанугу» стала своеобразным гимном стиляг:

«Pardon me, boy / Is that the Chatanooga Choo-Choo / Track twenty nine, / Boy, you can give me a shine».

С психологической точки зрения образ поезда, уезжающего в неведомую и недоступную Чаттанугу, стал для стиляг основным эскапистским символом, позволявшим хотя бы мысленно «уехать» в обожествляемую ими Америку.

Также были популярны композиции Бенни Гудмена и Дюка Эллингтона, немецкие фокстроты и танго (в том числе в исполнении Марики Рёкк и Лале Андерсон), произведения из репертуара Эдди Рознера.

В целом же, стиляги тяготели к джазовой музыке: многие из них были знакомы с джазменами или сами играли на различных музыкальных инструментах. Среди танцев в конце 1940-х гг. был актуален буги-вуги. Причём, советские стиляги не ограничивались довольно скудными познаниями в этой области и изобретали собственные вариации на тему модного танца. Так, существовали «атомный», «канадский» или «тройной Гамбургский» стили. Первые два мало чем отличались друг от друга и были некоей вариацией на тему танцев джиттер баг, линди хоп и буги-вуги. «Тройной Гамбургский» был медленным танцем, похожим на слоу-фокс.

С возникновением на Западе моды на рок-н-ролл, стиляги восприняли и этот танец. Популярны композиции Билла Хейли (в особенности, «Rock around the clock»), Элвиса Пресли, Чака Берри, Литтл Ричарда, Бадди Холли. Его появлению способствовали фестиваль 1957 г., хрущевская «оттепель», недолгий информационный прорыв. Алексей Козлов вспоминал: «Фестиваль сыграл громадную роль в перемене взглядов советских людей на моду, манеру поведения, образ жизни. До него страна жила по инерции в некоем оцепенении и страхе, несмотря на то, что Сталин как бы ушел в прошлое. Косность и враждебность советского общества по отношению ко всему новому, особенно западному, — это не

один лишь результат советской пропаганды. Я на своем опыте убедился в том, что и без всякой агитации российской массе свойственна нетерпимость ко всему чужому, а также нежелание узнать получше и разобраться: а вдруг понравится?» [6].

...Был он Гришей, но сейчас
Носит имя Гарри...
Каждый день в обычный час
Гарри на бульваре.
Вон, собой любясь, встал,
На девиц глаза.
Книг давно он не читал,
Не бывал в музеях.

Б. Тимофеев. «Гарри».
(«Крокодил», 1953)

Особенностью новых танцев эры свинга стало наличие акробатических приемов, сложных, требующих от партнеров хорошей физической подготовки, а главное — слаженности. Случайные партнеры в таких танцах были почти невозможны. Из-за сложности исполнения эти танцы не стали массовыми и перешли в сферу профессиональных эстрадных исполнителей. Народ ждал чего-то попроще. Этим «попроще» стал твист — новый танец, придуманный Чабби Чеккером, он прекрасно прижился, став танцем простых людей и основой для советских популярных эстрадных танцев.

Однако грампластинки с записями модных исполнителей в СССР были редкостью. В связи с образовавшимся дефицитом, стал популярен так называемый «рок на костях» — запись музыки производилась на рентгеновских снимках (у стиляг существовало ещё одно название таких «пластинок» — «скелет моей бабушки»). Такие пластинки нарезались где-нибудь на юге, в студиях типа «звуковое письмо», работники которых подхал-

туривали на свой страх и риск. Качество ужасное, с десятикратной перезаписи, на грани слышимости, но стоили дороже остальных. Часто эти пластинки содержали сюрпризы. Скажем, несколько секунд американского рок-н-ролла, а затем голос, с издевкой спрашивающий на чистом русском языке: «Что, музыки модной захотелось послушать?» Затем несколько сильных выражений в адрес любителя стильных ритмов – и тишина.

Только с появлением магнитофонов на рынке товаров «рок на костях» утратил свою актуальность.

Один из самых значительных российских джазменов (в прошлом – стилига) Алексей Козлов в своей автобиографической книге «Козёл на саксе» следующим образом описывает ситуацию: «Контролировалось все: одежда и прически, манеры и то, как танцуют. Это была странная смесь концлагеря с первым балом Наташи Ростовской. Танцы, утвержденные РОНО, да и манеры были из прошлого века – падекатр, падепатинер, падеграс, полька, вальс. Фокстрот или танго были не то, чтобы запрещены, но не рекомендованы. Их разрешали иногда заводить один раз за вечер, и то не всегда, все зависело от мнения и настроения присутствующего директора школы или старшего пионервожатого. При этом смотрели, чтобы никаких там попыток танцевать фокстрот «стилем» не было. Как только кто-либо из учеников делал что-то не так, в радиорубку срочно подавался знак, пластинку снимали и дальше уже ничего кроме бальных танцев не ставили».

Стилягам было важно не только выделить себя из толпы, из «серой массы», при помощи одежды или образа жизни, но и при помощи особого языка, точнее – жаргона. Частично этот сленг был воспринят стилигами от джазистов. Была особая манера произносить слова медленно, растягивая, пытаясь даже через речь показать свою непохожесть на остальных, для непосвященных это звучало почти как иностранный язык: «Чувень, клева лаба, четыре сакса» – мог сказать один стилига другому, приглашая его послушать отличный ансамбль с четырьмя саксофонами. Вот некоторые слова и выражения, принятые в языке стилиг и за-

тем частично распространившиеся за его пределы:

- **Чувак** – проверенный молодой человек, которого приглашали на «процесс» (узкую вечеринку) в «хату».
- **Чувиха (чува)** – девушка.
- **Хилять** – ходить, фланировать.
- **Кинуть брэк** – пройтись с целью «людей посмотреть – себя показать». Как правило, звучало, как «кинуть брэк по Броду».
- **Чуча** – песня из культового фильма «Серенада Солнечной Долины» (Поезд на Чаттанугу («Chattanooga Choo Choo...»))
- **Совпаршив** – отечественные изделия лёгкой промышленности.
- **Динамо, Динамо-машина** – такси.
- **Динамит** – сбегать.
- **Шузы** – ботинки стилиг на высокой подошве. Обычно можно было приобрести исключительно у фарцовщиков. Советский аналог «шувов» – так называемая «манная каша».
- **Хата** – свободная квартира, предназначенная для проведения вечеринки.
- **Процесс** – сексуальный контакт.
- **Фазер** – отец стилиги.

Стиляги заявляли о себе не только в моде и в музыке, но и в столь традиционном дендистском жанре, как фланирование. В каждом городе был свой «Бродвей» – центральная улица, где стилиги фланировали по вечерам. В Москве «Бродвеем» называлась улица Горького (там был «Коктейль-холл», где всегда сидели стилиги по субботам и воскресеньям. Холл был открыт до пяти утра – сейчас такого уже нет... Зимой самым главным местом был каток «Динамо». Именно этот каток, потому что там играл джаз). Было хорошим тоном явиться вечером, когда уже начинались сумерки, на Бродвей и там, так сказать, совершать хил, то есть «прогулку». В Ленинграде «Бродвеем» был Невский проспект, в Баку – Торговая улица.

Среди стилиг «Бродвей» сокращенно называли «Бродом»: дополнительная пикантность этой игры слов состояла в том, что русское слово «брод» (переход по дну через реку) тоже намекало на возможную опасность, необходимость поиска надежного пути поперек течения. Ведь нередко там же на Бродвее происходили стычки с

дружинниками. Во время прогулки по «Броду» для новых фланеров было важно не только встретиться с друзьями, но и, конечно, показать свой костюм и успеть заметить, что носят другие. На уровне одежды коммуникация могла происходить даже между незнакомыми людьми, если они чувствовали общность стиля. Существовали специальные приемы как бы случайной демонстрации одежды: к примеру, сунуть руку в карман пиджака, чтобы приоткрыть подкладку плаща (фирменный плащ нередко опознавался по подкладке). Опознание марки на ходу считалось высшим пилотажем. Это была типично дендистская зрительная стратегия, санкционирующая оглядывание – как мимолетное, так и внимательное. «У нас было много знаков, по которым мы узнавали друг друга. Мелочи – как пуговица пришита, как заделан шов, пряжечка какая... У Андрея Битова в «Пушкинском доме» я прочел, есть кусок про стилияг, так он рассказывает, что ленинградские стилияги заключали пари: кто пройдет весь Невский проспект и чтоб к нему никто не прицепился. Мы в Москве тоже так по улице Горького на спор ходили» [7].

Где брали свои ультрамодные вещи стилияги? Продвинутые модники покупали западные ткани в комиссионках и заказывали себе хорошие костюмы, благо талантливых портних было в то время немало. Позднее иностранные вещи стали покупать у иностранцев – в Ленинград часто приезжали финны, которые прямо в туристическом автобусе или в гостинице могли дешево продать целые чемоданы одежды. В Москве фарцовщики работали у каждой крупной гостиницы – это называлось «утюжить» иностранцев. Некоторые стилияги сами «утюжили», иные только покупали вещи у фарцовщиков-«шептунов». Многие из этих вещей делались ценой невероятных усилий дома – это был так называемый «самострок» (позже – «самопал»): брюки шились из того же палаточного брезента, подошвы из микропорки заказывались у армян в мастерских по ремонту обуви, кое-что поступало из братских социалистических стран: драконьи галстуки – из Китая, гавайские рубашки – с Кубы. Модники покупали западные ткани в комиссионках и

заказывали костюмы и плащи частным портным, некоторые из которых были виртуозными новаторами. К примеру, Эдуард Лимонов (тогда – ещё Савенко) зарабатывал в молодости, обшивая харьковскую богему. В конце 1950-х гг. появились первые фарцовщики. Большинство из них были подпольными коммерсантами. Но и некоторые стилияги начали «утюжить» иностранцев, дабы приобрести вожаделенные «фирменные» вещи. При последующей реабилитации стилияг, превратившей их из врагов в героев в постсоветский период, все дружно закрыли глаза на очевидную связь этих людей с преследуемыми по советскому закону дельцами – фарцовщиками, подпольными портными и сапожниками. Это можно объяснить хотя бы тем, что весомая часть советского населения грешила подобного рода связями, и вовсе не из-за страсти к западной культуре. Просто люди адаптировались к несовершенной государственной системе торговли одеждой. Для этого в ход шли легальные и нелегальные стратегии потребления.

Реакция простых обывателей советской системы на стилияг была разной, но чаще негативной. 16-летний школьник из Сочи писал в журнал «Юность»: «Я презираю стилияг, ибо это, в большинстве своем, пустые и легкомысленные люди... самолюбивые и тщеславные люди, которые за неимением других средств выделиться, таких, как наличие глубокого ума, целеустремленность, веселый характер и пр., нашли выход в одежде».

Пожалуй, чаще всего конфликты из-за стиля были связаны с так называемыми рейдами дружинников. На стилияг они устраивали настоящую охоту, а в провинциальных городах расправа со стильно одетыми молодыми людьми и вовсе выходила за рамки цивилизованной «борьбы с недостатками»: стилияг ловили, стригли их под полубокс, а узкие штаны распарывали и вшивали красные сатиновые клинья. Подобное отношение вызывало ответную реакцию – стилияги замыкались внутри своих компаний и от простого восхищения западной попкультурой переходили к неприятию советской действительности. Желание общества «переделать» (а, по существу, сломать) нонконформистов, выливалось в

бесчисленные обсуждения стилига на комсомольских и студенческих собраниях, к выговорам по комсомольской линии. Если же и это не помогало, то непокорных отчисляли из ВУЗов, исключали из рядов ВЛКСМ, а в СССР это было равносильно лишению человека права на достойное существование в обществе. «Реакция окружающих на нас всегда была очень активной, особенно в транспорте, когда мы ехали поодиночке к Броду. Едва я заходил в троллейбус, все тут же начинали меня обсуждать и осуждать: «Ишь, вырядился как петух», «Не стыдно ли, молодой человек, ходить как попугай», «Смотри, обезьяна какая»... Я стоял там весь красный» [8].

Пресса высмеивала этих молодых людей, называя их дешевыми спекулянтами, которые окружают иностранные отели, ловят иностранцев и продают имя Советского Союза за жвачку. Неудивительно, что общим решением этой проблемы стало напоминание этим молодым людям, что значит быть советскими, которое выражалось в насильственных ссылках «на север, в дикую тайгу, где они смогут лучше понять, как уважать человеческий труд».

Одна из карикатур стилига в журнале «Крокодил» показывала его сидящим на высоком стуле в баре, курящим и пьющим коктейль. В 2 часа дня к нему подходит бармен и говорит: «Извините меня, звонила ваша мама. Она беспокоится, сделали ли вы домашнюю работу». На другом рисунке был изображен молодой человек – как бы стилига, который сидел в машине «Победа» на фоне надписи «Папина «Победа» («Победа» была самой популярной в те времена советской автомашины). Были развернуты дискуссии о вкусах и манерах, в которых сами молодые люди критиковали тех из них, кто преклоняется перед «американским образом жизни». Были утверждены программы для «того, чтобы поднять культурный уровень молодежи» — строительство клубов, домов культуры, кинотеатров и библиотек [9].

Новая парадигма «молодежь-как-жертва-западного-влияния» не просто заменила парадигму «молодежь-как-строители-коммунизма», а усилило ее, поскольку каждая капля энергии, использованной на танцплощадке, была энерги-

ей, которая могла бы и должна была бы быть вложена в строительство гидроэлектростанции.

Стилигам старались всячески навредить – написать на работу, подержать в милиции и кое-что похуже. Гонения были воистину жестокие: комсомольские патрули, которые выходили на Невский проспект, в буквальном смысле охотились на стилига: резали брюки, галстуки и прически. Общественное мнение формировалось под лозунгом «Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст».

Стильные парни только смеялись: «С нами Ленин». Эта «формула» возникла, потому, как у Казанского собора на торце здания висело громадное полотно, на котором В.И. Ленин делал всем невским чувакам ручкой «привет», а ниже было начертано: «Правильным путем идете, товарищи!».

Наших стилига легко изобразить как порождение «серого советского строя». Но аналогичные движения были интернациональным явлением. Достаточно упомянуть немецких swing kids или французских «зазу», движение zoot suits, которое возникло еще в начале 1940-х годов в Америке. Или Teddy boys в Англии, носивших «эдвардианские» пиджаки и набриолиненные коки, которые в несколько карикатурном виде подражали стилю короля Эдуарда VII. В Австралии Boddies, в Японии — «тайзоку», тоже увлекавшиеся брюками-дудочками и гавайскими рубашками. То есть на самом деле это альтернативное модное движение было глобальным, просто в каждой стране оно имело свои варианты.

В начале 1960-х гг. движение сошло на нет из-за взросления своих представителей и «легализации» многих ранее запретных атрибутов вроде джаза, а также появления новых, гораздо более массовых молодежных течений: битников, битломанов и хиппи. Что до взрослеющих, но убежденных стилига, то их заряд отчужденности был настолько велик, что они и в новой, «теплой» ситуации оказались в оппозиции, став бизнесменами «черного рынка», фарцовщиками, спекулянтами иконами, валютчиками, а многие кумиры Бродвея спились и исчезли. Лишь «интеллектуалы» использовали свое преимущество и информированность, неко-

торые из них стали известными музыкантами, дизайнерами, писателями (одним из самых «радикальных» стилиг был Юлик Ляндрес, который прогуливал по Бродвею свою собаку, выкрасив ее в разные цвета. Впоследствии он сменил фамилию и придумал в числе прочих Штирлица (имеется ввиду известный писатель и журналист Юлиан Семёнов).

Сущность стилига как модного типажа не сводится к набору тряпок. Стил, который проявляется не только в одежде, но и в манере держать себя, в идеологии, в определенном круге общения, подразумевает особый круг чтения и фильмов — это уже шире, чем мода. Это субкультура. Интерес к стилигам, появившийся в последнее время, связан именно с тем, что это был очень проработанный субкультурный типаж со своей выраженной идеологией.

Стил поведения, которые практиковали эти молодые люди, воспринимался как провокационный по отношению к базовым ценностям и нормам советского общества. Подобная демонстрация индивидуализма и западного образа жизни была необычной.

Языком костюма оповещали: мы есть, мы существуем, мы разные. Эти рассуждения противоречили психологии «винтика» государства, с ними стали бороться, недаром многие статьи были озаглавлены как «Мода и политика». Их стил был вызовом советской серости, а вместе с тем, всей советской жизни и идеологии. Стилиги самым фактом своего существования шли наперекор советскому стандарту.

С детства им навязывали ценности коллективизма, а они говорили о свободе индивидуальности. Им внушали, что все заграничное плохо, — они же с восхищением смотрели на Запад и жадно впитывали доступные образцы западного образа жизни: музыку, прически, стил одежды. И все-таки они сделали свое дело: борясь со стилигами, власть, наконец, обратила внимание на то, как одеваются советские люди. Становятся униформой вчерашние модные новинки: оказывается, на узких брюках и короткой юбке можно экономить. Известен случай, когда Н. С. Хрущев, приверженец украинских косовороток, появился на экране пропагандистского документального фильма в болоньевом плаще, и это увидели миллионы советских людей. Тот факт, что первого секретаря ЦК показали в таком легкомысленном виде, был результатом действия общественного мнения, которое не в последнюю очередь формировалось, в том числе, и стилигами. При этом люди, видевшие Хрущева в болонье, не могли удержаться от хохота, прикрытием которому была темнота кинозалов. И этот смех людей над вождем был еще одним доказательством начавшегося раскрепощения.

Стремление выделиться всегда пугало власть, ведь населением в униформе легче руководить, чем людьми в разноцветных пиджаках. Существование стилиг доказывало: в современном мире нельзя полностью изолировать ни один народ, даже с помощью идеологического «железного» занавеса.

Литература

1. Сергеев, А. Omnibus. Альбом для марок [Текст] / А. Сергеев. — М., 1997. — С. 238.
2. Рейн, Е. Мне скучно без Довлатова. Новые сцены из жизни московской богемы [Текст] / Е. Рейн. — СПб., 1997. — С. 270.
3. Беляев, Д. Г. Стилига [Текст] / Д. Г. Беляев // Крокодил. — 1949. — № 7.
4. Козлов, А. Джаз, рок и медные трубы [Текст] / А. Козлова. — М., 2005. — С. 77.
5. Работница. — 1962. — №4. — С. 31.
6. Козлов, А. Козёл на саксе [Текст] / А. Козлов. — М., 1998. — С. 114.
7. Славкин, В. Памятник неизвестному стилиге [Текст] / В. Славкин. — М., 1996. — С. 75.
8. Козлов, А. Козёл на саксе... Указ соч. — С. 207.
9. «Культурная Кампания Лиги молодых коммунистов». 1958.